

Парадокс неприятия. Почему нам кажется, что цены растут быстрее инфляции?

Цифры Росстата весьма условно отражают наше реальное потребление. Можно ли им верить

Марсель Салихов

6 марта, 07:15

Росстат утверждает: за последний год цены в России в среднем выросли на 5% – на столько они выше в январе 2017 года по сравнению с январем 2016-го. Похоже ли это на правду? Большинство россиян уверены, что нет. Данные ежемесячных опросов населения, проводимых по заказу Банка России, показывают, что средний россиянин систематически оценивает инфляцию в несколько раз выше. В том же январе 2017 года медианное значение инфляции по данным опроса – 14%. То есть половина опрошенных считают, что за последний год потребительские цены выросли больше чем на 14%. В отдельные периоды этот разрыв становится еще заметнее. К примеру, в середине 2015 года почти 18% опрошенных предполагали, что цены за год выросли более чем на 50%, хотя официальная инфляция в этот период составляла 15–16%. Означает ли это, что Росстат измеряет совсем не ту инфляцию, которая актуальна для населения, – что его методики неадекватны, а результаты бессмысленны? А ведь именно на этот показатель ориентируется вся политика Центробанка, ставя в прямую зависимость от него важнейший для экономики параметр ключевой ставки.

**Инфляция по Росстату и по опросам населения
(медиана)**

Источники: Росстат, Банк России

Откуда нестыковки?

Причины такого расхождения росстатовского индекса потребительских цен (ИПЦ) с впечатлениями людей об инфляции в магазинах условно можно разделить на три. Первая версия: Росстат лжет, рисует нужные цифры или намеренно использует неверные модели расчета в угоду финансовым властям. Это популярная точка зрения среди непрофессионалов. Но эту версию можно сразу отбросить: росстатовские методики расчета инфляции соответствуют очень подробным инструкциям Международного валютного фонда (руководству из семисот с лишним страниц). Попытки обнаружить в росстатовской модели серьезные искажения, как правило, сами грешат непониманием ее принципов. А первичная база данных, на основе которых Росстат определяет составляющие потребительской корзины, в анонимизированном виде выложена в общий доступ – так что каждый желающий может проверить точность расчетов.

Вторая причина – несовершенство самой идеи вместить в одну цифру информацию об изменении цен на все категории товаров и услуг, потребляемых всеми социальными слоями. По этой причине профессиональное сообщество нередко критикует власти, когда они трактуют низкую инфляцию как рост всеобщего благосостояния

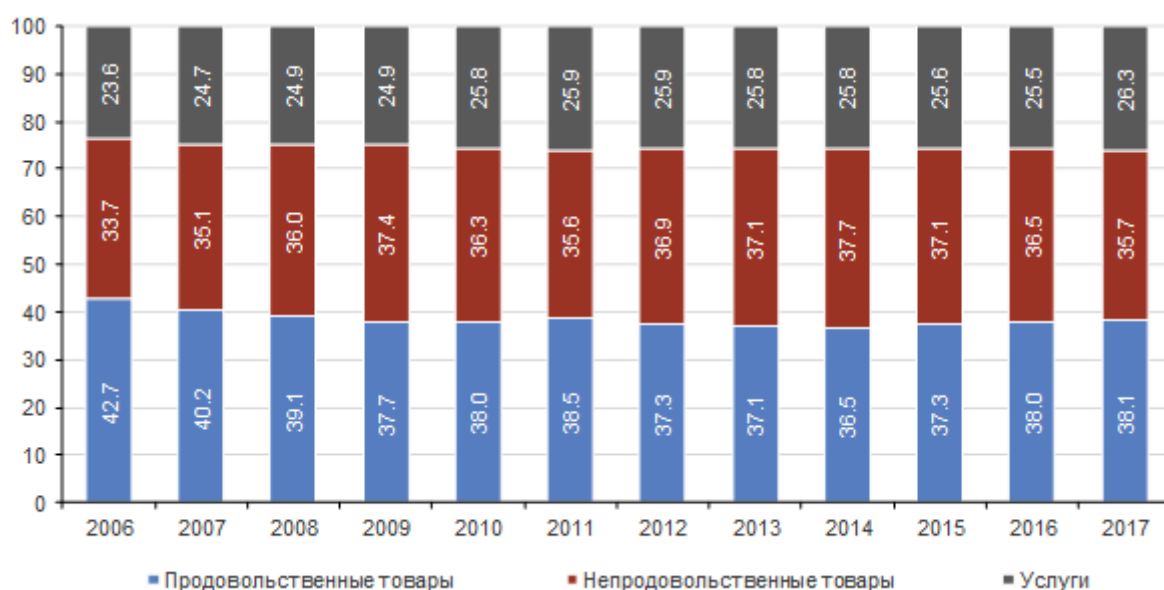
населения. Итоговые 5% не означают, что все цены в магазинах изменились на 5% плюс-минус какую-то небольшую погрешность. Напротив, это средняя температура между подорожавшими и подешевевшими товарами, часть из которых для каждой конкретной семьи совершенно неактуальны.

Росстат, согласно международным рекомендациям, старается постоянно актуализировать набор товаров и услуг, попадающих в расчет. Это делается на основе данных о реальном потреблении пятидесяти с лишним тысяч домохозяйств. В 2017 году в корзину ИПЦ входит 510 наименований, где самый дорогой товар – «Легковой автомобиль импортный новый» (1,13 млн рублей за штуку в январе 2017 года), а самый дешевый – «Предоставление местного телефонного соединения при повременной системе оплаты услуг связи» (0,53 рубля за минуту). В этом году из списка убрали такие категории, как «Отправка телеграммы обыкновенной внутренней, 15 слов», «Пошив женского платья», «Молоко сухое цельное», «Платок носовой», «Проигрыватель DVD». И добавили среди прочего «Поездку в Таиланд» и «Дополнительные занятия для детей дошкольного возраста».

В соответствии с этим списком сотрудники ведомства с 20-го по 25-е число каждого месяца фиксируют цены на товары и услуги примерно в 50 тысячах «точек сбора первичной ценовой информации» и собирают свыше полумиллиона ценовых котировок. Вклад каждого товара и услуги в общий показатель при сведении всех цен воедино определяется тоже по данным о реальных расходах панели российских домохозяйств.

На этом возможности Росстата по актуализации корзины заканчиваются – общая цифра все равно будет отражать лишь среднюю температуру по больнице. Чтобы пятипроцентная инфляция в январе 2017-го была релевантна для вас, вы должны иметь доход 24 тысячи рублей в месяц, тратить 38,1% денег на продовольственные товары, 35,7% – на непродовольственные, 26,3% – на услуги. Скорее всего, это не так. Если вы подписаны на Republic, вы уже выпадаете из средней модели, потому что средняя величина расходов среднего домохозяйства на СМИ в 2016 году – это 0,3% корзины ИПЦ, или около тысячи рублей за весь год.

Доля основных товарных групп для расчета ИПЦ

Источник: Росстат

Искажение восприятия

Третья группа причин несовпадения официальной инфляции с нашими представлениями о ней – это наша склонность придавать большее значение отдельным деталям картины, не видя ее в целостности.

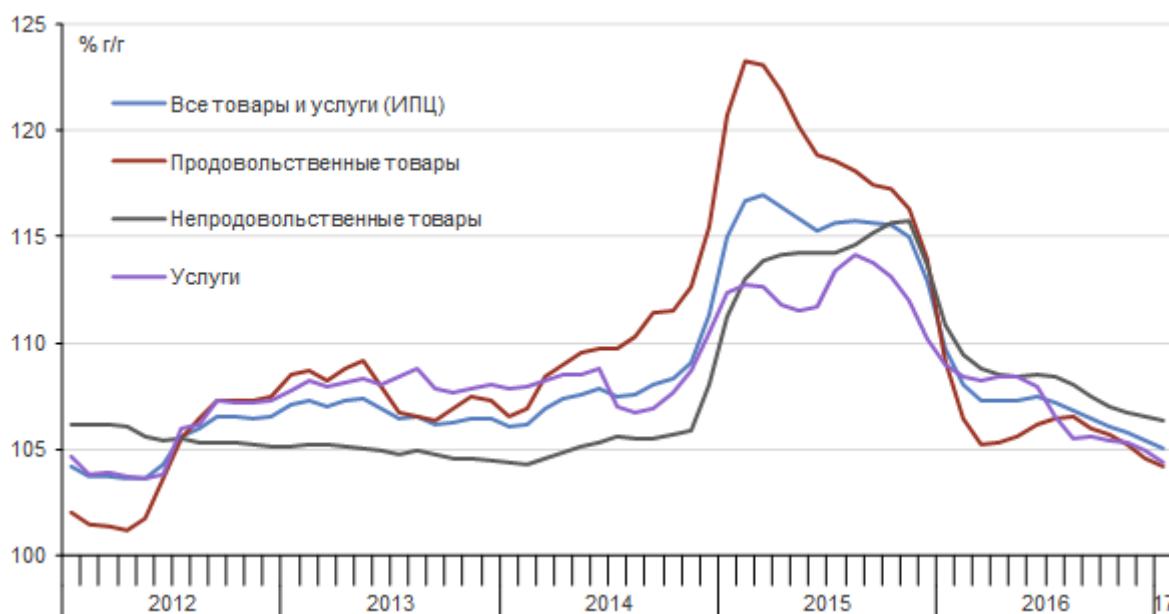
Во-первых, работает **эффект замещения**. Если за год цены на говядину выросли на 25%, а на курицу лишь на 10%, то часть потребителей начнут чаще покупать курицу и реже говядину. Их корзина потребления сместится в сторону менее подорожавшего товара, и ИПЦ учтет этот эффект на следующий год. Однако потребители будут оценивать инфляцию по воспоминаниям о скачке цен на говядину, а не по своему реальному потреблению, где стало больше курицы.

Здесь есть пространство для серьезного методологического спора, что правильнее – быстро корректировать вес разных товаров в корзине в соответствии с изменениями потребления или считать упущенные возможности для потребителя, ведь от дорожающих товаров он отказывается не по доброй воле, а из-за роста цен. Обычно этот спор решается с помощью нескольких разных индексов цен с разным шагом корректировки. Росстат сейчас оперирует одним индексом с корректировкой раз в год.

Во-вторых, для людей не так принципиальна разница между **уровнем цен и изменением цен**. Мы склонны оценивать инфляцию не саму по себе, а в соотношении с изменением наших доходов, Росстат же этот фактор не учитывает. Даже при небольшой инфляции, но при нерастущих доходах потребители чувствуют себя угнетенно и винят во всем высокую инфляцию. В 2015–2016 годах эффект инфляционного скачка в России воспринимался более болезненно в том числе и из-за стагнации номинальных доходов.

В-третьих, мы не способны на повседневном уровне отдавать себе отчет, **сколько и на что мы тратим**. Исследования психологов и экономистов, занимающихся потребительским поведением, показывают, что в оценке инфляции мы ориентируемся на простые индикаторы, не отражающие весь наш потребительский набор. Если мы каждую неделю покупаем хлеб или молоко и заправляемся на АЗС, то именно эти товары и **формируют** наше индивидуальное восприятие инфляции, даже если они составляют небольшую часть нашей потребительской корзины. А бытовая техника или мебель, которые покупаются редко и вносят большой вклад в траты, имеют гораздо меньше шансов повлиять на наше восприятие. В 2015 году продовольственные товары в России дорожали намного быстрее, чем непродовольственные товары и услуги, и в итоге рост цен психологически казался больше, чем был на самом деле.

Индекс потребительских цен – основные составляющие

В-четвертых, доказано, что мы обращаем больше внимания на рост цен, чем на их снижение. Это связано с присущим большинству людей **неприятием убытков** (loss aversion).

Многочисленные исследования показывают, что люди воспринимают потерю 1 рубля острее, чем радуются выигрышу того же рубля. По тому же принципу мы ужасаемся ценам на гречку, выросшим в 2,5 раза за последние три года, но не обращаем внимания на цены на лук и свеклу, которые почти не изменились за это время, на то, что аренда квартир подешевела, а наш домашний интернет за это время стал быстрее в три раза и на 20% дешевле.

Сторонникам теории «они нас обманывают» стоит знать, что феномен широкого недоверия к публикуемым официальным оценкам инфляции совсем не специфичен для России. В США вопрос корректного расчета инфляции в свое время был предметом специального расследования Сената и до сих пор остается мишенью ожесточенных политических дебатов. Причем одни аргументированно настаивают на том, что методика ИПЦ Bureau of Labor Statistics США занижает уровень истинной инфляции, а другие – что завышает. А согласно недавнему исследованию Европейской комиссии, в Европе потребители считают, что инфляция в 2004–2015 годах была в 4 раза выше, чем официальный ИПЦ, рассчитываемый Евростатом.

Поэтому вопрос, как правильно рассчитывать инфляцию, будет вечным. Но главное при этом, чтобы обе стороны – и потребители, и экономические власти – сознавали ограниченность любых таких расчетов и не пытались выдать частное за всеобщее, а желаемое за действительное.